

ности. Но сколько здѣсь все же отъ лучшаго Бѣлаго: его стилистика, порой его особая фонетика, возвращающая сразу къ «Петербургу», къ «Симфоніямъ». Его образность: нѣсколькими недочерченными штрихами рисуетъ онъ профессоровъ и литераторовъ 80-хъ годовъ. А вотъ «Левъ Толстой къ намъ выходитъ, и пристально смотритъ, какъ мы хулиганимъ, иль Владиміръ Соловьевъ сидитъ въ красной гостиной, весь ма удивляя бородой и власами, а мы напряженно стараемся хвостикъ ему прицѣпить». Или напоминаніе о себѣ самомъ, позднѣйшемъ — разговоръ о «Симфоніяхъ» съ Н. И. Стороженко. И жуть гибели заложенныхъ въ немъ съ дѣтства основъ: «фракъ, клякъ, кафедра — оказались картонными».

Какъ-то ужъ привыкли къ тому, что А. Бѣлый часто пишетъ «ниже себя». И хочется отмѣтить впечатлѣніе подлинной трагедіи этого большого поэта, такъ и не сумѣвшего что-то воплотить и, послѣ своихъ полугеніальныхъ давнишнихъ попытокъ, перешедшаго на незначительныя писанія.

Общее впечатлѣніе отъ журнала остается довольно неопредѣленное: много интересныхъ попытокъ, не мало талантливыхъ возможностей, отдѣльныхъ удачъ, — но свершеній нѣтъ, и общій тонъ политической благонадежности не даетъ писателю проявить себя.

Ю. Мандельштамъ

В. Вересаевъ. Въ двухъ планахъ. Статьи о Пушкинѣ. Изд. Нѣдра. Москва. 1929.

Въ этой книгѣ собраны статьи о Пушкинѣ, написанныя Вересаевымъ въ промежуткѣ между 1923-мъ и 1928-мъ го-

дами. Статьи на разныя темы и неравныя достоинства. Если раннія статьи Вересаева, тогда еще новичка въ пушкиновѣдѣніи («Къ психологіи пушкинскаго творчества», «Объ автобіографичности Пушкина») написаны чуть по дилетантски и аргументація ихъ не всегда безукоризненна, то статьи 1927-1928-хъ годовъ («Стихи неясные мои», «Въ двухъ планахъ») свидѣтельствуютъ о большей зрѣлости и метода и пониманія Пушкина.

Несмотря на эти различія, статьи связаны единствомъ точки зрѣнія, чѣмъ оправдано данное авторомъ книги заглавіе. Вересаевъ возстаетъ противъ господствующаго въ наше время представленія объ «автобіографичности» Пушкина и противопоставляетъ ему свою теорію «двупланности», раздѣльности его жизни и творчества. Центральная мысль Вересаева выражена имъ въ слѣдующихъ строкахъ: «Пушкинъ хватаетъ жизнь, въ творческомъ порывѣ выноситъ ее въ другой планъ, и тамъ все — радость и скорбь, прозу и грязь — преобразуетъ въ божественную красоту» (стр. 159). И еще: «Отъ живой боли жизни Пушкинъ уходилъ со своимъ творчествомъ въ сторону отъ жизни; въ творествѣ, на темы, переставшія его непосредственно волновать, онъ находилъ то успокоеніе, то исцѣленіе и ощущеніе души, — аристотелевскій кафарсисъ, — которыя давали ему возможность нести реальныя боли жизни» (стр. 27).

Приводимыя Вересаевымъ въ подтвержденіе этихъ мыслей примѣры, отчасти не новые, несовпаденія Wahrheit и Dichtung у Пушкина (его отношеніе къ А. П. Керью, посланіе къ митрополиту Филарету и т. д.), очень поучи-

тельны. Они предостерегаютъ отъ слишкомъ прямолинейнаго и упрощеннаго примѣненія «автобіографическаго» метода и крайностей такого пониманія Пушкина, при которомъ чуть не все его творчество сводилось къ роли лирическаго дневника, иллюстрирующаго его жизнь. Но нетрудно замѣтить, что въ своихъ положительныхъ выводахъ Вересаевъ подставилъ одинъ изъ результатовъ творческаго процесса на мѣсто цѣли и смысла всего пушкинскаго творчества. Несомнѣнно, что поэзія давала Пушкину то духовное освобожденіе и разряженіе, о которомъ говоритъ Вересаевъ, но сводить къ этому уходу отъ жизни весь смыслъ его творчества, значить умалять Пушкина. Вересаевъ какъ будто не замѣчаетъ, что такое утвержденіе логически ведетъ къ отрицанію творческой личности Пушкина. Ибо, если онъ искалъ въ поэзіи только утѣшеніе и успокоеніе, то, значить, ему было все равно, о чемъ писать, и творчество его не имѣетъ никакихъ корней въ его жизни.

Всегда важно установить удаленность поэтическаго отклика отъ породившаго его жизненнаго толчка. Важно потому, что ставить передъ изслѣдователемъ интереснѣйшую задачу: раскрыть тѣ пути, которыми прошло реальное впечатлѣніе, пока не нашло своего отраженія въ поэзіи. Это и есть проблема психологіи творчества. Вересаевъ же только бродитъ вокругъ нея, но, въ сущности, никакъ ее не рѣшаетъ. Онъ останавливается какъ разъ тамъ, гдѣ начинается подлинная задача критика и біографа, поэтому его выводы неполны и одно-сторонни.

Вересаевъ приводитъ, между прочимъ, замѣчательную цитату изъ юбилейной

рѣчи Ив. Аксакова: «Пушкинъ представляетъ въ себѣ удивительное, феноменальное и глубоко-трагическое сочетаніе двухъ самыхъ противоположныхъ типовъ, какъ человѣка и какъ художника... Легкомысліе, вѣтренность, кипѣніе крови, необузданная чувственность въ жизни, и въ то же время серьезность и важность священнодѣйствующаго жреца, способность возноситься духомъ до высотъ цѣломудреннаго искусства. Онъ самъ сильнѣе всѣхъ сознавалъ въ себѣ эту двойственность. Что долженъ былъ испытывать въ глубинѣ своего духа носитель такихъ великихъ, божественныхъ даровъ въ тѣ минуты, когда сознавалъ свое «ничтожество»?..

Вересаевъ отъ себя прибавляетъ: — «Это все вѣрно. Мнѣ только кажется, что Аксаковъ ошибается, думая, будто Пушкинъ трагически переживалъ разладъ между жизнью и поэзіей. Для Пушкина тутъ не было рѣшительно никакой трагедіи» (стр. 141). Намъ кажется, что оговорку Вересаева слѣдуетъ рѣшительно отвести. Слова Аксакова, разумѣется, также не представляютъ собой исчерпывающей формулы, которая, кстати сказать, врядъ ли и возможна, но они все-же подходятъ ближе, чѣмъ вересаевскія, къ истинному пониманію Пушкина. Почти всѣ современники, писавшіе объ исторіи дуэли и послѣднихъ мѣсяцахъ жизни поэта, сходятся на томъ, что, раздраемый страстью и ревностью, онъ безъ оглядки катился въ пропасть и самъ дѣлалъ почти все, чтобы приблизить катастрофу. Не странно ли, что біографія Пушкина строилась до сихъ поръ всегда такъ, какъ будто всего этого не было, и смерть Пушкина оказывалась случай-

ной развязкой, механически оборвавшей его жизненный путь. Съ легендой о «свѣтломъ, жизнерадостномъ Пушкинѣ», прoderжавшейся слишкомъ долго, слѣдовало бы покончить разъ навсегда. Трагическій конецъ Пушкина бросаетъ зловѣщій отблескъ на всю его жизнь. Онъ долженъ былъ бы заставить насъ пересмотрѣть нашу оцѣнку такихъ фактовъ изъ его біографіи, какъ его двукратная ссылка, его отношенія съ семьей, его мученія на югѣ, въ канцеляріи графа Воронцова, его мученія въ Петербургѣ, при дворѣ; вспомнить такія его строки, какъ заключеніе «Цыганъ», какъ «Есть упоеніе въ бою» и т. д. И знаменитые «И пусть у гробового входа» и «Здравствуй, племя младое, незнакомое» ничуть не доказываютъ противнаго. Чѣмъ острѣе непосредственное ощущеніе жизни, тѣмъ трагичнѣе можетъ быть отношеніе къ ней, къ ея безцѣльности и неоправданности. А оправданія жизни какою либо высшей, автономной цѣнностью, мы не найдемъ у Пушкина нигдѣ... кромѣ одного мѣста: «Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать». Но неужели и на этихъ словахъ можно строить теорію свѣтлаго Пушкина? «Я жить хочу, чтобы страдать». Это ли не подлинно-трагическое отношеніе къ жизни?

Сейчасъ въ модѣ романы-біографіи, которымъ даютъ такія заглавія, какъ «Бурная жизнь Мирабо» или «Безпечная жизнь Франсуа Виллона». Если бы подобная книга была написана о Пушкинѣ, ее слѣдовало бы назвать «Трагическая жизнь Пушкина».

Г. Н. Ферстеръ

П. Е. Щеголевъ. Книга о Лермонтовѣ. 2 тт. Изд. «Прибой». 1929.

Эта книга составлена изъ многочисленныхъ воспоминаній о Лермонтовѣ, писемъ его и къ нему, юношескихъ дневниковъ и тѣхъ стихотворныхъ и беллетристическихъ отрывковъ, которые письмами, воспоминаніями и дневниками затрагиваются. Все это подобрано чрезвычайно умѣло, причемъ авторъ сборника почти отсутствуетъ, лишь изрѣдка указывая въ примѣчаніяхъ на сомнительность иныхъ матеріаловъ, но участіе его, «опытная рука», чувствуется на каждой страницѣ. Связность какъ бы цѣльнаго разсказа, острья противоположенія нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, искусство выбора и сочетанія, необыкновенная драматичность Лермонтовской жизни и наша малая о ней освѣдомленность — благодаря столькимъ разнообразнымъ причинамъ книга читается, какъ увлекательнѣйшій романъ. Въ ней не очень много новаго и сенсационнаго о Лермонтовѣ, но самый жанръ такого подбора документовъ, особенно при столь искусномъ расположеніи, интереснѣе, благороднѣе, «чише», чѣмъ модныя теперь и слишкомъ произвольныя «романтическія біографіи».

Въ книгѣ имѣются «эффекты», какіе не всегда достигаются въ настоящемъ романѣ. Такъ, прекрасно изображены родственныя Лермонтову помѣщичьи семьи, съ множествомъ его *couzins* и *cousines*, влюбленныхъ другъ въ друга, — передъ нами возникаетъ незабываемый бытъ помѣщичьяго дома Ростовыхъ, со всѣми полудѣтскими трогательными влюбленностями. Прекрасно также передано нарастающее негодованіе петербургскаго общества послѣ смерти